

Введенский А. И. К характеристике современных настроений: вторая стадия подъема (по поводу брошюр: Карьера, Кожевникова и Федорова) // Богословский вестник 1894. Т. 2. № 4. С. 148–168 (2-я пагин.).

Къ характеристикѣ современныхъ настроеній. вторая стадія подъема.

Карьеръ: „Возрастаніе энергіи“ (*Carriere: das Wachstum der Energie in der geistigen und organischen Welt.* München. 1892. Aus den Abhandlungen der k. bayer. Akademie der Wiss. I. Cl. XIX Bd. III Abth.).

Кожевниковъ В. А.: „Безцѣльный трудъ, недѣланіе или дѣло“? Разборъ взглядовъ Эмиля Золя, Александра Дюма и графа Л. Н. Толстаго на трудъ. М. 1893. 2-е изд. М. 1894.

Федоровъ В. П.: „Прозвѣтъ общества апологіи Христіанства въ Россіи“. Балашонъ. 1892.

„Наше время есть время переходное“: это выраженіе, безъ сомнѣнія, должно быть отнесено къ числу самыхъ избитыхъ фразъ нашего разговорнаго обихода и „текущей прессы“. Слова: „обновленіе“, „отрезвленіе“, „пробужденіе сознанія“ и проч., кажется, стоятъ теперь въ воздухѣ. Однако, если вслушаться въ рѣчи, переплетаемые этими модными словами, вникнуть въ ихъ смыслъ, то окажется, что въ нихъ очень мало опредѣленнаго. И это понятно. Осуждать „дурное прошлое“ и вдохновляться неопредѣленными порывами къ „лучшему будущему“ всегда гораздо легче, чѣмъ опредѣленно указать путь отъ этого ненавистнаго прошлаго къ желанному будущему. Прислушиваясь къ современнымъ толкамъ, вникая въ движеніе мысли послѣдняго десятилѣтія, не трудно замѣтить, что, рядомъ съ „новыми“ стремленіями, сознаніемъ все еще въ значительной мѣрѣ владѣютъ прежніе навъки мысли,—что прежнія реалистическія и матеріалистическія концепціи парализуютъ новые идеальные порывы, какъ темныя тѣла поглощаютъ свѣтъ солнечныхъ лучей. И вотъ воля по прежнему безсильна и ея энергіи едва хватаетъ лишь на то, чтобы глухо протестовать противъ прошлаго...

Конечно, уже и этотъ протестъ кое-что значить. Но вѣдь имъ долго жить нельзя. Онъ лишь первая, начальная стадія подъема отъ пережитаго настроенія къ новому. За нимъ должна наступить вторая стадія: сознание *возможности* пройти новымъ путемъ, покинуть рѣшительно старый, какъ ложный. Конечно, разъ прошлое осуждено и мы прониклись болѣе высокими идеалами, обязательность которыхъ нами сознается, вопросъ о *возможности* ихъ осуществленія долженъ бы рѣшаться самъ собою: „должно“, по классическому толкованію Канта, всегда переводится какъ „можно“. Но мысль все-же должна проникнуться возможно отчетливѣе сознаниемъ этой *возможности*, чтобы двинуть и направить волю къ опредѣленному дѣлу. И повидимому есть признаки вступленія современной мысли, современнаго настроенія въ эту вторую стадію развитія, — выхода изъ того состоянія, когда она жила лишь однимъ протестомъ, и перехода къ новому, къ постановкѣ опредѣленныхъ и *конкретныхъ* задачъ жизни и къ сознанию реальной возможности ихъ выполненія.

Протестъ противъ стараго строя мысли и жизни; сознательная постановка новыхъ конкретныхъ задачъ и убѣжденіе въ возможности ихъ выполненія; и, наконецъ, „новое дѣло“: таковы три стадіи подъема. Кажется, мы уже пережили первую и вступаемъ во вторую. Книжки, заглавіе которыхъ нами выписано выше, не смотря на ихъ кажущуюся разнохарактерность, служатъ обоснованію въ сущности одной и той же мысли, характеризующей „вторую стадію подъема“ современнаго настроенія: одна освѣщаетъ вопросъ съ принципиально-философской стороны; другая — съ литературно-публицистической и жизненной; третья — съ практически-церковной. Мы скажемъ о каждой изъ нихъ отдѣльно и въ такомъ порядкѣ, чтобы выяснялось, въ чемъ именно, по нашему мнѣнію, состоитъ эта „вторая стадія подъема“ современной мысли.

I.

Возрастаніе энергій ¹⁾.

Монографія Карьера посвящена одному изъ тѣхъ вопро-

¹⁾ Монографія Карьера прислана намъ неизвѣстнымъ лицомъ (изъ Петербурга). Мы поняли это, какъ желаніе обратить на нее наше вниманіе и,

совъ, которые, относясь одинаково и къ естествознанію и къ философіи, служатъ между ними источникомъ нескончаемыхъ пограничныхъ споровъ. Законъ сохраненія энергіи, который современная физика кладетъ, такъ сказать, во главу угла при своихъ изслѣдованіяхъ, имѣеть-ли универсальное значеніе или онъ ограничивается только областью природы неорганической?—вотъ вопросъ, около котораго сосредоточивается споръ. Совершенно очевидно, что, если придавать закону универсальное значеніе, то для психической самодѣятельности человѣка уже не останется мѣста. Вотъ почему философы, отстаивающіе самостоятельность духовнаго начала (идеалисты, спиритуалисты и т. д.), относятся къ „закону“ сдержанно: или ограничиваютъ сферу его примѣнимости или прямо отрицаютъ за нимъ значеніе твердо обоснованнаго закона. Такъ поступаетъ и Карьеръ, который долженъ быть причисленъ, какъ это опредѣлилось

такъ какъ, по прочтеніи ея, оказалось, что, по новизнѣ и интересу вопроса, она дѣйствительно заслуживаетъ вниманія, то мы и рѣшили познакомиться съ нею читателей *Богословскаго Вѣстника*. — Считаемъ своимъ долгомъ выразить здѣсь благодарность, къ сожалѣнію неизвѣстному намъ, лицу, приславшему книгу, за эту своеобразную форму содѣйствія разработкѣ философскихъ вопросовъ и полагаемъ, что приславшій не посѣтусть на насъ, если мы приведемъ здѣсь сдѣланную имъ на книгѣ краткую рецензію. „Многое вѣрно, — пишетъ рецензентъ, — но изложено въ расплывчатой формѣ, въ которой исчезаетъ всякая точность мысли. Главное-же, невѣрно представлень законъ сохраненія энергіи въ матеріальномъ мірѣ. Онъ состоитъ не въ превращеніи одного движенія въ другое (?), а въ сохраненіи суммы потенциальной и кинетической энергіи. Вслѣдствіе этого невѣрно и противоположеніе въ этомъ отношеніи духовнаго міра матеріальному: развитіе состоитъ не въ возрастаніи энергіи, а въ переходѣ изъ потенциальнаго состоянія въ дѣятельное. Затѣмъ тожество формирующаго пачала органической жизни и человѣческаго самосознанія авторомъ утверждается, но не доказывается. Этотъ сложный вопросъ даже не обсуждается сколько нибудь научнымъ образомъ“. Мы, съ своей стороны, вполнѣ согласны съ почтеннымъ рецензентомъ въ томъ, что въ формальномъ отношеніи монографія Карьера оставляетъ желать многоаго; но полагаемъ, что его приговоръ могъ-бы быть смягченъ — отчасти въ виду новизны затронутыхъ въ монографіи вопросовъ, отчасти въ виду темноты и трудности предмета. Что-же касается возраженій *по существу*, то они требуютъ ближайшихъ разъясненій, которыя, насколько позволяютъ размѣры библиографической замѣтки, и сдѣланы нами въ текстѣ. Болѣе подробно данаго вопроса мы надѣемся коснуться послѣ, — въ одной изъ задуманныхъ нами работъ.

уже и въ его раннѣйшихъ произведеніяхъ (отчасти переведенныхъ и на русскій языкъ), къ самымъ рѣшительнымъ идеалистамъ: онъ ограничиваетъ господство закона сохранения энергіи лишь областью неорганической природы, въ области-же духа и природы органической признаетъ „подъемъ“, „повышеніе“ или „возрастаніе энергіи“. Прослѣдимъ нить его разсужденій.

Передавъ кратко исторію установки закона, Карьеръ формулируетъ добытый результатъ въ слѣдующихъ словахъ Гельмгольца:

„Вселенная оказывается снабженною запасомъ энергіи, который во всей нестрой смѣнѣ процессовъ природы не можетъ ни увеличиваться ни уменьшаться, но остается, среди постоянной смѣны формъ своего обнаруженія, вѣчно въ неизмѣнномъ количествѣ, какъ и матерія, не будучи, однако, подобно ей или пространству, дѣлимимъ. Все измѣненіе въ мірѣ (въ *матеріальномъ* мірѣ, сказали-бы мы—поправляетъ Гельмгольца Карьеръ) состоитъ лишь въ смѣнѣ формъ обнаруженія этого запаса энергіи. *Здѣсь* часть ея является какъ живая сила движущихся массъ; *тамъ* — какъ законмѣрно-правильное колебаніе въ свѣтѣ и звукѣ; далѣе — въ формѣ тепла т. е. неправильнаго движенія неразличимыхъ глазомъ мельчайшихъ частичекъ вещества, взаимнаго тяготѣнія массъ, въ формѣ напряженія и давленія эластическихъ тѣлъ, какъ химическое сродство, электрической зарядъ, магнетическій токъ и т. д. Если она исчезаетъ въ одной формѣ, то непременно является въ другой и, когда является въ новой формѣ, мы увѣрены, что одна изъ прежнихъ формъ ея обнаруженія уже перестала существовать“.

Карьеръ не только принимаетъ это обобщеніе относительно матеріальнаго міра, но, какъ самъ онъ подчеркиваетъ, „дѣлаетъ еще шагъ далѣе“, въ сравненіи съ Гельмгольцемъ и Майеромъ (иниціаторы ученія о законѣ сохранения энергіи, которымъ онъ, можно сказать, обязанъ своимъ существованіемъ): „не сумма матеріи и движенія остается себѣ равною, — говоритъ онъ, — но полнота силъ, изначала поставленныхъ между собою во взаимоотношеніе и образующихъ своимъ взаимодействіемъ міръ“ (стр. 9), такъ какъ, — разъясняетъ онъ, — дуализма матеріи и движенія нѣтъ, а есть лишь система силъ. „Бытіе есть дѣятельность“, вслѣдствіе чего „дуализмъ матеріи и движенія разрѣшается въ монизмъ живой дѣятельности, которая, раскрываясь въ полнотѣ отдѣльныхъ силъ, во всѣхъ нихъ дѣйствуетъ и всеми ими управляетъ“. Но, переставивъ такимъ образомъ точку зрѣнія на вопросъ, Карьеръ неза-

мѣтно начинается новый рядъ обобщеній, результатъ которыхъ, относительно извѣстной группы міровыхъ силъ, оказывается прямымъ отрицаніемъ закона сохраненія энергіи. Именно, та сила, которую мы называемъ своею волею и которая открывается намъ непосредственно — очевидно въ нашемъ сознаниі, способна, какъ мы узнаемъ объ этомъ по ежедневному опыту и переживанію, *накоплять энергію*, вслѣдствіе чего какъ каждый отдѣльный человѣкъ, такъ и все человѣчество въ исторіи, на каждой высшей ступени становятся способными къ выполненію болѣе сложныхъ и трудныхъ задачъ: „круговороту природы такимъ образомъ противостоятъ и противопоставляется прогрессъ исторіи“ (12). При этомъ, — что особенно важно въ данномъ случаѣ, — накопленіе психической энергіи, повышеніе ея запаса у одного лица или одного поколѣнія нисколько не истощаетъ, вопреки закону сохраненія энергіи, ея запаса у другаго лица или поколѣнія: „мы учимся и однако учитель отнюдь не теряетъ того, что мы отъ него воспринимаемъ, — скорѣе напротивъ, для него самага достояніе его духа становится, вслѣдствіе раздѣльнаго и яснаго выраженія, отчетливѣе, а слушатель или ученикъ въ свою очередь прибавляетъ къ сообщаемому отъ себя. Пять рыбъ и три хлѣба насыщаютъ тысячи и остатки наполняютъ корзины: это вполнѣ примѣнимо къ духовному насыщенію“ (13).

Возрастаніе духа, „психическаго организма“ совершается посредствомъ усвоенія отвлѣ матеріала и его организаціи, вслѣдствіе чего наше сознаніе обогащается матеріаломъ (содержаніемъ), а сила воли выигрываетъ въ интенсивности. Подобнымъ-же образомъ совершается и возрастаніе организма тѣлеснаго. Между ними полный параллелизмъ: тамъ и здѣсь должно признать нѣкоторое внутреннее начало, организующее матеріаль въ виду опредѣленныхъ цѣлей. Въ механическомъ агрегатѣ, какъ разъяснялъ еще Аристотель, части даны прежде цѣлаго, а въ организмѣ — цѣлое прежде частей, вслѣдствіе чего въ неорганической природѣ есть только *смысла*, измѣненіе состояній, а въ органической — *развитіе*. Если теперь мы обратимъ вниманіе на этотъ параллелизмъ, то должны будемъ признать, что „одинъ и тотъ-же принципъ въ насъ и слышать, видить, думать, желаетъ и въ тоже время организуетъ

наше тѣло, дѣлаетъ изъ него органъ ощущенія и дѣйствія“ (28). Нашъ психофизическій организмъ, съ внутренней стороны, есть комплексъ силъ, которыя заняты одной и той-же организаторской работой, но такъ, что, тогда какъ однѣ силы или монады поглощены физиологическими и биологическими функціями, центральная монада служитъ зерномъ для развитія собственно духовной жизни, хотя она контролируетъ и направляетъ по своимъ цѣлямъ и функціи низшихъ монадъ (37). Именно вслѣдствіе этого подчиненія тѣлеснаго организма духовному принципу, и въ тѣлесномъ организмѣ можетъ происходить накопленіе или наростаніе энергіи точно такъ-же, какъ въ „организмѣ психическомъ“, что мы и видимъ всего яснѣе въ фактахъ наслѣдственности. Наслѣдственность, съ механической точки зрѣнія, есть пустое слово. Чтобы ее понять, нужно допустить, что отъ родителей къ дѣтямъ переходитъ образовательный или формующій принципъ, который и подчиняетъ новые атомы вещества, равно какъ и новый психическій матеріалъ прежнему типу. Съ этой точки зрѣнія всѣ внѣшнія органическія свойства (черты лица и пр.) должны быть разсматриваемы какъ продуктъ „механизации актовъ воли“, — какъ выраженіе свойствъ внутренняго формующаго принципа, который самъ, въ свою очередь, опредѣляется актами какъ своей собственной жизни, такъ и жизни родовой, переданными наслѣдственно. Если же мы признаемъ, что въ ряду генераций центральныя монады или духовныя принципы усваиваютъ и организуютъ матеріалъ, преобразуя его въ высшую форму сообразно своему типу, то, какъ выводъ отсюда, должны будемъ допустить, что въ суммѣ, во вселенной въ каждый данный моментъ становится энергіи *больше*, чѣмъ въ моментъ предыдущій, — что не только въ духовной жизни, но и въ природѣ органической происходитъ увеличеніе силы, гдѣ сохраняются и развиваются дальше разъ приобрѣтенныя свойства, гдѣ путемъ упражненія и механизации цѣлесообразнаго приобрѣтаетъ устойчивую форму привычное, такъ что „органическая природа возрастаетъ не только количественно, но и качественно, и организующія силы природы въ разнообразныхъ формахъ животнаго и растительнаго царства экстенсивно производятъ много новыхъ и чудныхъ созданій“ (47).

Только съ этой точки зрѣнія,—разсуждаетъ далѣе Карьеръ, — возможна свобода. Наше самоутвержденіе противъ вліяній со стороны внѣшняго міра, наша власть надъ себялюбивыми влеченіями, — все это возможно лишь въ томъ случаѣ, если мы „откроемъ корень свободы въ самой природѣ; если каждому существу свойственна мощь; если дѣятельная сила образуетъ сущность вещей и если среди метаморфозъ силы, рядомъ съ сохраненіемъ энергіи въ механизмѣ природы, совершается подъемъ, повышеніе энергіи въ мірѣ внутреннемъ, а вслѣдствіе этого и въ дѣятельности организующихъ силъ,—словомъ если есть самостоятельный (творческій) принципъ духовной и органической жизни“ (49 —50). Современная біологія оправдываетъ этотъ постулатъ, — открываетъ активность или „спонтанность“ (самопроизвольное, избирательное отношеніе ко внѣшнему матеріалу,—выборъ пригоднаго, обнаруживающій въ избирающемъ началѣ элементарныя психическія свойства) на всѣхъ ступеняхъ лѣстницы органическаго царства, вплоть до царства растительнаго. Съ этой точки зрѣнія открывающаяся въ мірѣ „Первосила“ должна быть понята, какъ умъ и воля, какъ сознательно волящая дѣятельность, такъ какъ, только при такомъ пониманіи ея, она можетъ ставить въ соотношеніе и приводить въ гармонію обособленные элементы сущаго, самостоятельныя живыя силы, изъ взаимодѣйствія которыхъ слагается жизнь и исторія міра.

„Работа,—такъ заключаетъ Карьеръ свою монографію,—неустанная работа надъ развитіемъ своихъ силъ для осуществленія идеала жизни и для усовершенствованія,—вотъ въ чемъ наша задача! На всю природу простирается это требованіе и надъ всею природою совершается правый судъ всякій разъ, когда мы видимъ, какъ тунейядцы, существа, живущія на счетъ другихъ, остававляюются въ своемъ развитіи и ниспадають съ высшей на низшую ступень. Борьба и нужда, страданіе и любовь ведутъ насъ впередъ и изъ глубины души, которая имѣетъ свои корни и свое существо въ безконечномъ, а слѣдовательно, изъ самаго божественнаго первооснованія жизни озаряють насъ тогда вѣчныя идеи, какъ руководящія и направляющія точки зрѣнія, а съ горней высоты, равно какъ и изъ глубины, пробивается тогда источникъ мощи и силы для осуществленія этихъ идей. Станемъ же стремиться чрезъ подъемъ энергіи, въ силу возрастанія все полнѣе и полнѣе овладѣвающаго собою нашего внутренняго существа,—станемъ стремиться къ подъему на высшія ступени жизни, къ приобрѣтенію. путемъ работы надъ собою, болѣе полныхъ и высокихъ формъ существованія и будемъ созидать въ Богѣ, хотя и на основѣ неор-

галическаго міра съ его необходимостію, царство духа и свободы, добра, истины и красоты“.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе монографіи Карьера. Противъ ея основнаго тезиса едвали можно спорить: понятіе *возрастанія энергіи* и даже самый этотъ терминъ теперь находятъ сторонниковъ даже и въ лицѣ такихъ философовъ, которые никакъ не могутъ быть заподозрѣны въ излишнемъ пристрастіи къ спиритуализму (наприм., у Вундта ¹⁾). И тѣмъ не менѣе монографія Карьера едвали способна *убѣдить* читателя, привести его къ признанію этого тезиса *логически*. Она, такъ сказать, лишь *предра-стоплагаетъ* къ принятію тезиса, — путемъ выясненія его связи съ практическими постулатами. И это потому, что она просто противопоставляетъ одному тезису (о законѣ сохраненія энергіи) другой (о возрастаніи энергіи), безъ ближайшаго разъясненія, въ какой мѣрѣ они способны уживаться другъ подлѣ друга. По нашему мнѣнію намѣченный результатъ т. е. обоснованіе тезиса о возрастаніи энергіи достигался бы вѣрнѣе, еслибы Карьеръ прошелъ инымъ путемъ и именно слѣдующимъ.

Прежде всего, отстаивая указанный тезисъ, необходимо сдѣлать надлежащую и точную справку: въ какомъ именно смыслѣ понимается „законъ сохраненія энергіи“ со стороны мыслителей, не склонныхъ формулировать научные тезисы подъ угломъ зрѣнія какой-либо односторонней философской доктрины. По этой справкѣ оказалось-бы, что самими пред-

---

¹⁾ Считаемо нелишнимъ привести здѣсь авторитетное сужденіе по занимающему насъ вопросу Вундта, изложенное имъ въ его „Системѣ философіи“ (стр. 314—5). Изображая ростъ сознанія въ количественномъ (обогащеніе новыми элементами, расширеніе, равно какъ и увеличеніе степени *интенсивности*) и качественномъ отношеніи (обновленіе, улучшеніе), онъ между прочимъ говоритъ: ... „здѣсь (т. е. въ психической жизни) мы не только не находимъ эквивалентности между членами причиннаго ряда, но находимъ *совершенною противоположностью* этому. Что ясно представляетъ намъ духовное развитіе отдѣльнаго лица и еще яснѣе развитіе чело-вѣчества, то въ меньшихъ размѣрахъ оказывается въ каждой отдѣльной духовной связи. *Духовная жизнь* экстенсивно, равно какъ и интенсивно *управляется закономъ возрастанія энергіи*: экстенсивно, такъ какъ духовное развитіе постоянно расширяется и осложняется; интенсивно, такъ какъ повышается цѣнность достигаемыхъ путемъ этаго развитія формъ жизни“...

ставителями естествознанія законъ признается безспорнымъ лишь въ извѣстныхъ границахъ (для механическихъ, термическихъ, химическихъ и под. энергій); на всю же природу переносится условно и лишь по аналогіи (доказательство не строгое). Возьмемъ для разъясненія сейчасъ высказаннаго тезиса примѣръ. Около пруда, наполняющагося лишь въ половодье, устроена мельница. Ясно, что, при такомъ условіи, мельница будетъ работать лишь до тѣхъ поръ, пока въ прудѣ есть вода, которая можетъ падать въ извѣстномъ количествѣ, струею опредѣленнаго размѣра съ данной высоты („запасъ работы, говоря технически, равняется вѣсу воды, умноженному на высоту паденія“). Пусть теперь „работа“, вмѣсто того, чтобы молоть муку, употребляется на то, чтобы воду изъ омута накачивать обратно въ прудъ. Конечно, въ самомъ благопріятномъ и притомъ чисто идеальномъ, практически не осуществимомъ, случаѣ, мы могли-бы поднять кверху именно столько воды, сколько ея спустилось: это было бы тогда, когда никакая часть работы не тратилась бы безвозвратно на постороннія дѣйствія, — на преодоленіе тренія въ механизмѣ и т. д. Въ этомъ случаѣ изъ запаса работы дѣйствительно и въ собственномъ смыслѣ ничего не уничтожилось-бы. „Энергія въ подобныхъ случаяхъ, говоря технически, вполне сохраняется“ т. е. количество ея остается неизмѣннымъ, не смотря на перемѣну формъ или, что то же, — „энергія превращается“: „запасъ работы“ („потенціальная энергія“ — вода въ пруду) превращается въ „живую работу“, т. е. въ движеніе мельничнаго механизма, снова поднимающаго воду въ прудъ изъ омута („кинетическая энергія“); кинетическая энергія снова превращается въ потенциальную, если вода обратно накачена изъ омута въ прудъ и т. д. Если теперь, опираясь на нѣкоторые вспомогательные опыты, мы обобщимъ этотъ случай, то получимъ формулу закона относительно всего матеріальнаго міра, какъ опредѣленной системы, содержащей опредѣленный запасъ вещества и будемъ разсуждать *аналогично* и *условно*: какъ въ данномъ случаѣ (разсмотрѣнномъ), такъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ въ матеріальномъ мірѣ сумма кинетической и потенциальной энергіи равна и, если ея данъ опредѣленный за-

нась, то онъ не можетъ ни увеличиваться, ни уменьшаться ¹⁾).

Въ разясненной формулѣ закона самое важное, очевидно, то, что онъ устанавливается *аналогически* и лишь для определенной, *данной системы*,—именно для той стороны міра, которая представляетъ аналогію приведенному примѣру, т. е. для міра матеріальнаго. Слѣдовательно, онтологическое толкованіе закона въ смыслѣ закона универсальнаго, простирающагося на весь универсъ, на *всѣ* явленія, включая и явленія жизни психической и органической,—такое толкованіе требуетъ дополнительныхъ разясненій и перестановки вопроса на общепилософскую почву съ научно-реалистической. Здѣсь, достигнувъ этой ступени въ изслѣдованіи вопроса, необходимо разсмотрѣть, нельзя ли какъ-нибудь *априори* достигнуть такого расширенія закона на *всѣ* явленія и окажется, что нельзя,—что онтологическое толкованіе закона запутывается въ діалектическія противорѣчія. Мы не можемъ входить здѣсь въ длинныя и тонкія разясненія діалектическихъ трудностей, связанныхъ съ толкованіемъ закона въ смыслѣ онтологическомъ. Замѣтимъ лишь, что даже и въ нашей философской литературѣ можно найти основательныя разясненія этой, обойденной Карьеромъ, стороны дѣла ²⁾).

Послѣ того, какъ намѣченнымъ путемъ былъ-бы установленъ точный смыслъ закона и сфера его примѣненія, получили-бы силу и болѣе твердое значеніе уже и тѣ общенія и разясненія, которыя направлены Карьеромъ къ установкѣ самого факта „возрастанія энергіи“ въ области психической и органической. По нашему мнѣнію, въ дан-

¹⁾ *Популярное* разясненіе закона сохранения энергіи см. въ юбилейномъ сборникѣ публичныхъ лекцій, читанныхъ въ Моск. университетѣ въ пользу „Гельмгольцевскаго фонда“: Германъ фонъ-Гельмгольцъ, М. 1892, — лекція *Боли* („Сохраненіе энергіи“—стр. 13 слѣд.).—Наиболѣе осторожная формула его дана у Лаланда (André Lalande: *Lectures de la phil. des sciences*, Paris, 1893. p. 318); а самое обстоятельное и научно-строгое изложеніе закона, насколько знаемъ, сдѣлано *Бальфоромъ Стюартомъ* (*Balfour Stewart: la conservation de l'énergie*, 5-е изд. 1889). Основательный разборъ см. у *König'a*: *die Entwicklung des Causalproblems*, В. II, S. 440—9.

²⁾ См. у *Лопатина*: „Положительныя задачи философіи“, т. II, стр. 173—180, 197—204, а такъ же—у Н. Н. *Страхова*: „О законѣ сохранения энергіи“ (*Вопросы философіи и психологіи*, кн. 6-я).

номъ случаѣ Карьеръ стоитъ въ общемъ на вѣрной почвѣ. Правда, онъ не доказываетъ „тожества формирующаго начала органической жизни и человѣческаго самосознанія“; но онъ и не ставитъ вопросъ въ такой формѣ, да и ставить его такъ нельзя: вѣдь доказывать тожество *самознающей* жизни, *самосознанія* съ *безсознательными* биологическими функциями это значило-бы ставить для рѣшенія задачу невозможную по самой постановкѣ, представляющую противорѣчье въ терминахъ. Такъ ставили задачу прежде, когда сущность человѣческой души полагали въ самознающей *мысли*, а сущность организующаго начала полагали въ *слыпной* формирующей или пластической *силы*. Но такая постановка вопроса сдѣлалась невозможна послѣ того, какъ особенно французскіе спиритуалисты (Мэнъ де-Биранъ, Жюффруа и др.²⁾ выяснили, что сущность самознающей души, какъ и организующаго начала, состоитъ въ *усиліи*, въ волевомъ стремленіи и т. д. Очевидно, что на этой *родовой* почвѣ можно уже стало отождествлять начала, о которыхъ у насъ идетъ рѣчь, при чемъ явилась возможность *видовья* особенности или признаки (душа „питающая“, „чувствующая“, „разумная“, — въ терминахъ классической философіи) разсматривать, какъ ступени въ развитіи человѣческой души, какъ гармонически упорядоченную систему или іерархію формъ проявленія одной и той же по существу активности. Французская философія послѣдняго пятидесятилѣтія много сдѣлала для разъясненія этого вопроса, — для обоснованія анимизма противъ теорій старыхъ виталистовъ. И Карьеръ въ своей монографіи дѣлаетъ достаточно мѣткихъ разъясненій, по нашему мнѣнію не мало содѣйствующихъ обоснованію того же тезиса анимистовъ. И у него центральное понятіе, на которомъ достигается отождествленіе началъ, организующихъ жизнь тѣлеснаго организма и организма психическаго, есть именно понятіе усилія. Со стороны точности и строгости разъясненія Карьера оставляютъ кое-чего желать и пожалуй многого; но едва-ли бы было справедливо ставить этотъ недостатокъ въ вину одному Карьеру: это общій недостатокъ всей во-

1) См. *второй отд.* нашей книги: „Современное состояніе философіи въ Германіи и Франціи“. Стр. 125 слѣд.; 296 слѣд.

обще туманной нѣмецкой философіи. Въ общемъ же и постановка и рѣшеніе вопроса, по нашему мнѣнію, отвѣчаютъ требованіямъ и руководящимъ мотивамъ новѣйшихъ теченій мысли лучшаго (т. е. наиболѣе свободнаго отъ односторонностей) типа. Но признать тезисъ Карьера значитъ противопоставить механизму природы возвышающійся надъ нимъ и независимый отъ него организаторскій или творческій принципъ.

Теперь мы подходимъ къ самому центру вопроса и вмѣстѣ къ его самой главной трудности: если и законъ сохранения энергіи и самостоятельность организующаго, творческаго принципа необходимо должны быть признаны, то какъ мыслить между ними взаимоотношеніе? Здѣсь возможны три точки зрѣнія, которыя ясно намѣчены въ новѣйшей философіи.—Во-первыхъ, законъ сохранения энергіи признается *универсальнымъ* и, такъ какъ рядомъ съ механическими процессами необходимо признать и специфическія явленія жизни, то признается, что *всѣ элементы оживлены* и количество или сумма всѣхъ энергій,—и органическихъ и механическихъ,—равна. Дана пара мышей и бочка муки: мыши размножаются; слѣдовательно, —говорятъ представители этого взгляда, гилозоисты,—элементы жизни, хотя бы лишь въ разсѣяннн и въ слабой формѣ, должны уже содержаться и въ мукѣ. Такъ, говорятъ, и во всемъ мірозданіи: элементы органическіе и механическіе даны въ одинаковомъ всегда равномъ запасѣ и происходитъ только ихъ перегруппировка ¹⁾. Эта теорія самая несостоятельная: сверхъ своей очевидной мистичности и парадоксальности, она произвольно обобщаетъ законъ сохранения энергіи (объ этомъ у насъ была рѣчь выше) и образуетъ о міровомъ цѣломъ такую странную концепцію, которую нельзя не только обосновать, но и представить сколько нибудь раздѣльно. — Вторая теорія, наоборотъ, отрицаетъ законъ сохранения энергіи и преувеличиваетъ моментъ свободы въ универсѣ, вслѣдствіе чего получается концепція міровой жизни такъ же довольно произвольная и мистическая: защитники этого взгляда склонны къ представленію всей матеріи, какъ формы духа, —разсматриваютъ ее какъ волю въ состояніи очарованно-

¹⁾ См. у Ланге: „Исторія матеріализма“, т. II, стр. 446 и др.

сти, какъ оцѣпенѣвшую и застывшую мысль, вслѣдствіе чего говорятъ о контингентности не только явленій природы, но и самыхъ ея законовъ ¹⁾. — Между этими двумя крайними теоріями теперь выясняется новая, за которую въ разсматриваемой монографіи высказался и Карьеръ, — *теорія возрастанія*. Главное достоинство этой теоріи заключается въ томъ, что она даетъ возможность объединить доли истины, которыя заключаются и въ законѣ сохраненія энергіи и во взглядѣ на принципы психической и органической жизни, какъ на принципы самостоятельные и независимые отъ механизма природы. Условный творческій принципъ (психическій и органическій) не можетъ, конечно, создавать новыхъ *элементовъ* матеріи, но можетъ возвращать ихъ, организовать, сообщать имъ высшую форму, утилизировать ихъ для высшихъ цѣлей, не подчиняясь въ этой своей организаторской и условно-творческой дѣятельности механизму природы съ его неотмѣнными законами: вотъ этотъ только тезисъ и хочетъ установить теорія „возрастанія энергіи“, какъ ее намѣчаютъ наиболее осторожные мыслители ²⁾. На этомъ понятіи и на такой концепціи міроваго цѣлаго мысль можетъ успокоиться и остановиться, такъ какъ она одинаково свободна отъ крайностей какъ механическаго детерминизма, такъ и панпсихизма. Возрастаніе нельзя свести на простой переходъ изъ потенциальнаго состоянія въ кинетическое (едва ли удобно въ такомъ смыслѣ толковать, наирим., вѣковыя пріобрѣтенія культуры, выработку характера или организацію знанія, на которую человѣкъ употребляетъ долгіе годы упорной борьбы или хотя бы даже просто — численное умноженіе человѣчества, дифференціацію его расъ и индивидуумовъ и т. д.); но, съ другой стороны, законъ возрастанія вовсе не ведетъ къ отрицанію закона сохраненія: онъ требуетъ лишь его ограниченія—именно тою сфе-

¹⁾ Такихъ взглядовъ держутся представители „*Новаго спиритуализма*“ во Франціи. См. нашу вышеуказанную книгу, отд. II, стр. 296—305. О „случайности“ (контингентности) законовъ природы, см. тамъ же, стр. 43—60 (взгляды проф. *Бутри*).

²⁾ Наирим., извѣстный Эрнестъ *Навилъ* (см. его: *La physique moderne*. Par. 1890, p. 228—238), *Pesch* (*Die grossen Welträthsel*, B. II, S. 247—9). Къ этому же взгляду склонялся извѣстный *Дюрингъ* (см. его *Cours* и *Механику*—конецъ, русск. пер.).

рою, въ которой онъ несомнѣнно господствуетъ (областью механическихъ отношеній). Одинъ французскій мыслитель (Сей) удачно называетъ процессъ возрастанія энергіи „міровымъ эндосмосомъ“, —преобразованиемъ и какъ-бы поглощеніемъ пространственнаго бытія временнымъ, его просвѣтленіемъ и организаціей — силою присущаго ему и движущаго имъ идеала. Если угодно, все это образы; но на высшихъ ступеняхъ мысли едва ли можно совсѣмъ обойтись безъ нихъ. Во всякомъ случаѣ, впрочемъ, эти образы весьма содержательны и много говорятъ уму и чувству.

Въ общемъ, —повторяемъ, —можно иногда ставить Карьеру въ вину недостатокъ точности и строгой мотивировки. Но нельзя не отдать ему и справедливости за то, что онъ выдвинулъ вопросъ, можно сказать, назрѣвшій и изложилъ его съ такимъ одушевленіемъ, вслѣдствіе котораго изъ чтенія книги, не смотря на ея формальныя несовершенства, невольно выносятся убѣжденіе, что человѣкъ свободенъ и что при томъ его свобода не представляетъ въ мірѣ исключенія (такъ какъ ею въ низшей степени одарены и другія существа); что надъ нимъ не тяготѣетъ гнетъ натурального механизма; что, поэтому, онъ долженъ бороться и трудиться, за одушевляющіе его идеалы, за долгъ и правду...

II.

Механическій трудъ, „не—дѣланіе“ и реальное дѣло.

Философію часто упрекали и упрекаютъ въ безплодности и оторванности отъ жизни. Мы не имѣемъ поводовъ разбирать въ настоящемъ случаѣ этотъ упрекъ. Отмѣтимъ лишь одинъ странный и поучительный фактъ: именно тѣ, которые отрицаютъ значеніе философіи для мысли и жизни, обыкновенно впадаютъ въ самыя крайнія философскія утопія, которыя впитываются изъ окружающей атмосферы невольно и незамѣтно. Иначе и быть не можетъ. Идеи философіи принадлежатъ къ кругу тѣхъ докучливыхъ существъ, о которыхъ, какъ о природѣ, можно сказать: „Гони ихъ въ дверь, они влетятъ въ окно“. Не хочешь принять ихъ сознательно, послѣ критическаго взвѣшиванія и сравнительной оцѣнки, примешь безсознательно, — „некритически“. А распутывать всѣ осложненія придется все же съ помощію философіи, —

путемъ возведенія тревожныхъ и докучливыхъ вопросовъ къ тѣмъ обобщеніямъ и точкамъ опоры, которыя устанавливаетъ для мысли философія.

Эта связь ходячихъ взглядовъ и философскихъ теорій хорошо иллюстрирована, примѣнительно къ занимающему насъ теперь вопросу, г. Кожевниковымъ въ его брошюрѣ: „безцѣльный трудъ, не—дѣланіе или дѣло“? Г. Кожевниковъ не ставилъ своею задачею дѣлать указанное нами сопоставленіе и беретъ вопросъ въ общей формѣ,—разсматриваетъ критически взгляды Золя, Дюма и Л. Толстаго на трудъ и даетъ свое заключеніе. Но мы относимся къ его брошюрѣ именно какъ къ иллюстраціи развиваемаго въ нашей настоящей критической замѣткѣ взгляда.

Широкое распространеніе во вторую половину нашего столѣтія одностороннихъ доктринъ матеріализма и механическаго детерминизма не могло, конечно, не наложить рѣзкаго отпечатка на настроеніе эпохи, которое въ свою очередь не могло не отразиться на художественной литературѣ. — этомъ вѣрномъ зеркалѣ всѣхъ настроеній. Подъ вліяніемъ этихъ идей литература стала проповѣдовать какое-то слѣпое подчиненіе царящему надъ всѣмъ, не исключая и человѣка, фатуму, проявленіемъ котораго служитъ-де налагаемый на человѣка трудъ,—трудъ подневольный, слѣпой, механической. Эта идея нашла свое рельефное выраженіе въ извѣстной рѣчи французскаго писателя, Эмиля Золя, которая, благодаря графу Л. Толстому, сдѣлалась теперь у насъ слишкомъ популярна. Г. Кожевниковъ вѣрно смотритъ на нее именно подъ этимъ угломъ зрѣнія и въ мѣткихъ штрихахъ схватываетъ самый существенный ея смыслъ:

„Трудъ, по Золя, — такъ истолковываетъ основную мысль его рѣчи г. Кожевниковъ, — это единственный законъ міра, единственный смыслъ жизни. Каждому изъ насъ, какъ-бы помимо нашей воли, заданъ трудовой урокъ, какъ „единственный законъ міра, какъ тотъ регуляторъ, который влечетъ органическую матерію къ ея извѣстной цѣли“. Трудъ здѣсь сводится,—справедливо замѣчаетъ авторъ брошюры,—на произвольное участіе въ сообщенномъ намъ движеніи, на фаталистически заданный каждому изъ насъ урокъ, принять который мы должны „скромно, безъ возмущенія, смиривши гордость своего я, которое считаетъ себя центромъ и не хочетъ вступить въ ряды“. Съ этой точки зрѣнія трудъ есть рабства „великаго дѣла, совершаемаго во всѣ вѣка“, но—дѣла, начатаго законами органической матеріи, не зависящими отъ воли и выбора отдѣльнаго лица, какъ и продолжается оно помимо его воли и въ которомъ поневолѣ при-

ходится участвовать всѣмъ, кто хочетъ быть „если не счастливымъ, то по крайней мѣрѣ спокойнымъ“.... Умамъ-же, „мучимымъ безконечностью, страдающимъ отъ тайны“, Золя „братски“ (!) указываетъ средство спасенія: занять свою жизнь какимъ-нибудь огромнымъ трудомъ, котораго они не видѣли-бы конца,—*какимъ-бы то ни было трудомъ*, все равно какимъ, лишь-бы онъ былъ огромнымъ, безконечнымъ, лишь бы онъ былъ „вѣчно колеблющимся изъ стороны въ сторону маятникомъ, непрерывно вертящимся жерновомъ“, мелющимъ не насущный хлѣбъ съ удовлетвореннымъ сознаниемъ исполненнаго долга, а только утомляющимъ и одуряющимъ въ своемъ бессмысленномъ круговоротѣ, а если и дающимъ (и то не всегда и не всѣмъ) жалкую при такихъ условіяхъ подачку, — хлѣбъ насущный, то лишь для того, чтобы продлить безцѣльное качаніе маятника, безцѣльное вращеніе жернова“..... (16—21, *passim*).

Тогда какъ Золя и писатели-реалисты его школы, вѣрные традиціямъ философіи механическаго детерминизма, повторяютъ человѣку на разные лады совѣтъ, который на своемъ языкѣ постоянно твердитъ ему природа: *labora, aselle, quomodo ego laboravi et proderit tibi*, — писатели другой школы, повидимому проникнутой болѣе возвышенными идеалами, но въ сущности не менѣе утопичной, подъ вліяніемъ односторонняго идеализма и поверхностнаго оптимизма, хотятъ заставить своихъ читателей повѣрить, что все совершается и совершится *какъ-то само собою*, что нужно только вѣрить въ прогрессъ и не мѣшать ему совершать свое великое дѣло, — что дѣло только въ томъ, чтобы „ничего не дѣлать“, въ „не-дѣланіи“. Дюма и гр. Л. Толстой, при всѣхъ различіяхъ между ними, сходятся въ сущности въ этой утопіи, хотя и по разнымъ мотивамъ и не одинаково рѣшительно ее исповѣдаютъ. „Человѣку, — говоритъ Дюма, — въ концѣ концовъ нужно надѣяться столько-же, если не больше, чѣмъ знать: не имѣя возможности установиться въ достовѣрности, онъ носится въ неопредѣленныхъ идеалахъ и какъ далеко онъ не отклонялся въ скептицизмъ и отрицаніе, онъ всегда возвращается къ надеждѣ, безъ которой онъ жить не можетъ“. И хотя, надѣясь, „человѣчество живетъ на землѣ, *не зная зачѣмъ и не зная какъ*“, однако его мечты и надежды сбываются какъ-то сами собою, помимо его воли и знанія, и Дюма кажется, что „міръ уже вступаетъ въ эпоху безусловной человѣчности, когда всѣ будутъ охвачены безуміемъ, бѣшенствомъ любить другъ друга“... Отсюда одинъ шагъ, чтобы вывести такое заключеніе: „если все совершается само собою, то намъ нечего дѣлать и ни

во что не слѣдуетъ встрѣвать“. Этотъ выводъ какъ извѣстно уже давно и былъ сдѣланъ графомъ Л. Толстымъ.

„Весь строй современной жизни, — таковъ смыслъ философствованія графа Л. Толстова въ истолкованіи г. Кожевникова, — никакуда не годенъ, потому что онъ грубо эгоистиченъ; положенное въ его основу и утверждающее его знаніе частью бесполезно, частью вредно и потому должно быть отброшено также, какъ и то, что люди до сихъ поръ считаютъ дѣломъ; трудъ, полагаемый на это ложное дѣло, и всякій трудъ вообще, не есть добродѣтель, а только нравственно-анестезирующее средство; защита его потому можетъ принести только вредъ. Этой ложной добродѣтели гр. Толстой, по примѣру китайскаго мудреца Лао-Дзе, противопоставляетъ добродѣтель „не-дѣланія“ т. е. воздержанія отъ всего того, что люди дѣлаютъ и чего не слѣдуетъ дѣлать. Отъ такой пріостановки дѣятельности человѣчества, которую гр. Толстой, не на шутку считаетъ возможною (хотя возможности этой намъ не понять), онъ ждетъ спасенія человѣчества и притомъ съ поистинѣ чудесною быстротою. „Стоитъ только людямъ остановиться въ своей суетѣ, говоритъ онъ, и они тотчасъ увидятъ бессмысленность своей дѣятельности, и христіанское пониманіе само собою также неизбежно, какъ неизбежно въ морозѣ замерзаетъ вода, какъ скоро перестаютъ шевелить ее, сложится въ ихъ сознаніи. А стоитъ людямъ усвоить это жизнепониманіе, и любовь ихъ другъ къ другу, ко всѣмъ людямъ, ко всему живому, находящаяся теперь въ нихъ въ скрытомъ состояніи, также неизбежно проявится въ ихъ дѣятельности и станетъ двигателемъ всѣхъ ихъ поступковъ... И тогда безъ малѣйшаго усилія распадутся старыя и сложатся тѣ новыя формы благой жизни, отсутствіе которыхъ представляется людямъ главнымъ препятствіемъ къ осуществленію того, чего давно требуютъ ихъ разумъ и сердце“ (стр. 45 -6)...

Мы не станемъ повторять здѣсь тѣхъ мѣткихъ замѣчаній, которыя высказываетъ г. Кожевниковъ противъ призыва къ труду, ради самаго труда, со стороны Золя и противъ утопическихъ надеждъ Дюма и гр. Л. Толстаго. Рекомендуемъ читателю обратиться для ознакомленія съ ними къ самой его брошюрѣ, написанной серьезно, горячо, убѣжденно и даже „колоритно“. Съ своей стороны ограничимся лишь замѣчаніемъ, что какъ пробужденіе въ современномъ обществѣ интереса къ обсуждаемому въ брошюрѣ вопросу, такъ и отрицательное отношеніе къ прежнимъ типамъ его рѣшенія (въ духѣ механическаго детерминизма и фатализма, съ одной стороны, и поверхностнаго идеализма и оптимизма, съ другой), — все это показываетъ, что современная мысль не только серьезно задумывается надъ тѣми вопросами, которые еще такъ недавно казались уже порѣшенными разъ и навсегда, но и склоняется къ такому ихъ рѣшенію, въ ко-

торомъ слышится сколько, съ одной стороны, вѣра въ идеаль, столько-же, съ другой стороны, и трезвое отношеніе къ реальнымъ условіямъ дѣятельности, опредѣляемымъ естественными законами природы. „Само собою,—говоритъ г. Кожевниковъ,—ничего не дѣлается, а въ чудо мгновеннаго, магическаго перерожденія человѣчества,—въ чудо, которому вѣритъ гр. Толстой, мы не вѣримъ: для одолѣнія зла нужно слѣдовательно не „педѣланіе“ и не сладкія, не объяснимыя ничѣмъ положительнымъ, необоснованныя надежды на будущее, а *нужно дѣло, упорнѣйшее напряженіе сознательнаго труда и убѣжденной разумомъ, вдохновленной любовью воли всего человѣчества*“ (стр. 42): въ этомъ девизѣ намъ слышится ясное выраженіе сознанія необходимости перейти отъ простаго протеста противъ пережитаго къ новому и серьезному дѣлу,—одно изъ проявленій подъема современнаго самосознанія на высшую ступень.

III.

Необходимость объединенія преобразовательныхъ стремленій на почвѣ религіозно-церковной.

Выставивъ и раскрывъ свой тезисъ, по которому „всечеловѣческое дѣло можетъ состоять только въ водвореніи царства блага, добра, царства Божія въ мірѣ совокупнымъ, сознательнымъ и добровольнымъ трудомъ человѣчества, на мѣсто слѣпой, невольной эволюціи и неопредѣленнаго прогресса“,—г. Кожевниковъ отлагаетъ выясненіе путей къ осуществленію поставленной имъ задачи на неопредѣленное время ¹⁾. Мы „не знаемъ“ навѣрное, какъ выяснятся предъ нимъ эти пути, но предполагаемъ (ср. стр. 38—9), что онъ разовьетъ свои взгляды приблизительно въ томъ-же направленіи, въ какомъ намѣчаетъ ихъ авторъ третьей изъ вышепоименованныхъ нами брошюръ, г. В. П. Федоровъ. Во всякомъ случаѣ, взглядъ г. Федорова можетъ быть съ удобствомъ поставленъ въ связь съ нашими предыдущими разсужденіями, какъ ихъ естественное завершеніе ²⁾. Самое

¹⁾ См. предисловіе ко 2-му изд. брошюры.

²⁾ „Проекту“ г. Федорова, независимо отъ достоинства и цѣнности развиваемой въ немъ основной мысли, придаетъ вѣсъ еще и то обстоятельство, что онъ не есть какое нибудь праздное измышленіе, но—плодъ многолѣт-

надежное средство къ преобразованію нашего наличнаго, слишкомъ несовершеннаго, по общему признанію, строя жизни есть утвержденіе въ сознаніи общества истинъ христіанской вѣры и нравственности, а путь къ этому — учрежденіе „Общества апологіи Христіанства“: вотъ мысль автора. Развивая ее, онъ исходитъ изъ того факта, что богословская и въ частности апологетическая литература у насъ очень бѣдна и что ее слѣдуетъ обогатить и возвысить. И такъ какъ въ другихъ сферахъ знанія, какъ убѣждаютъ опыты послѣднихъ лѣтъ, интересъ къ той или другой наукѣ, къ тѣмъ или другимъ вопросамъ побуждается благодаря организаци „обществъ“, то, — думаетъ онъ, — и апологіи Христіанства всего лучше такъ-же могло-бы послужить посвятившее ему свой трудъ и заботы, спеціально организованное для этой цѣли „Общество“.

„Чтобы проектируемое нами общество успѣшно выполнило свои задачи, необходимо, — рассуждаетъ авторъ, — во-первыхъ, чтобы во главѣ его стали выдающіеся люди, а во-вторыхъ, чтобы оно располагало достаточными матеріальными средствами. Слѣдовательно необходимо, путемъ частныхъ извѣщеній, привлечь въ члены общества какъ можно болѣе лицъ. Если общество будетъ извѣстно среди русскаго народа, то мы увѣрены, что найдется много лицъ, которые пожелаютъ пожертвовать на дѣла общества десятки

нихъ думъ о томъ, какъ помочь современному обществу, — обществу съ расшатанными понятіями и неустойчивыми убѣжденіями. Во 2-й книжкѣ „Русскаго Архива“ текущаго года помѣщено весьма интересное письмо къ г. Федорову высокопреосв (покойнаго) *Никанора*, изъ котораго видно, что уже и тогда, пятнадцать лѣтъ тому назадъ (письмо писано въ 1879 г.), автора проекта занимали вопросы, какъ оберечь себя и другихъ, выражаясь словами архипастыря, „отъ вѣтровъ, которые теперь бурно несутся надъ человѣческими головами, — какъ дать устойчивость шатающимся юнымъ головамъ“. Въ заключеніе своего письма высокопреосв. его авторъ совѣтовалъ юношѣ „читать апологетическія изданія протоіерея Заркевича“ (рядомъ съ нѣкоторыми другими статьями и литературными произведеніями въ свѣтскихъ журналахъ) и ободрялъ его надеждою, что „настойчивое служеніе религіи нѣкогда просвѣтитъ умныя очи и покажетъ то, что увидѣть вы желаете“... Проектъ“ показываетъ, что совѣты, предостереженія и ободренія архипастыря-отца не пропали безслѣдно. — Г. Федоровъ — „свѣтскій“ по образованію и происхожденію. Нынѣ состоитъ инспекторомъ городского училища въ Балашовѣ, Саратов. губ. (свѣдѣніе взято изъ *Русск. Архива*).

тысячъ рублей. Труды членовъ общества апологіи христіанства лучше всего помѣщать въ свѣтскихъ журналахъ потому что, какъ извѣстно, духовные журналы мало читаются свѣтскими людьми, а между тѣмъ для нихъ-то и необходимо знакомство съ апологетическими сочиненіями. Для трудовъ религіозно-филосовскаго содержанія изъ свѣтскихъ журналовъ самымъ подходящимъ можетъ быть только философскій журналъ „*Вопросы Философіи и Психологіи*“, особенно какъ журналъ, не поставившій себѣ задачею пропаганды какого-либо одного міровоззрѣнія. Для апологетическихъ статей историческаго содержанія подходящими журналами могутъ быть „Русское Обозрѣніе“ и „Русскій Вѣстникъ“.

„Вмѣстѣ съ основаніемъ общества апологіи Христіанства,—развиваетъ авторъ свою мысль далѣе,—по нашему мнѣнію, для бѣльшаго успѣха въ развитіи апологическихъ наукъ необходимо открыть на средства государственнаго казначейства при С.-Петербургской Духовной Академіи институтъ для спеціального приготовленія апологетовъ Христіанства, по образу, хотя-бы приблизительно, института для спеціального приготовленія историковъ при Вѣнскомъ университетѣ“ и. т. д.

Частныя соображенія г. Оедорова, конечно, могутъ вызвать разнообразныя возраженія и послужить источникомъ перекрестныхъ споровъ; но основная мысль его, по нашему мнѣнію, безспорна и заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. Необходимо увеличить и качественно улучшить у насъ апологетическія изданія *во что-бы то ни стало*: только такимъ путемъ можно пріохотить къ чтенію „духовной литературы“. Этимъ цѣлямъ можетъ, конечно, служить и проэктируемое „Общество Апологіи“. Но если бы здѣсь понадобились и спеціальныя затраты, то и предъ ними, кажется, не слѣдовало-бы останавливаться. Вѣдь дѣлаются же у насъ „спеціальныя затраты“ на учрежденія, необходимость и польза которыхъ весьма сомнительна и во всякомъ случаѣ не окупаетъ затраты. Возьмемъ примѣръ. Есть при одномъ изъ заграничныхъ университетовъ русскій юридическій семинарій,—совершенно тепличное растеніе, съ крайне искусственной культурой. На сколько намъ лично пришлось ознакомиться съ его положеніемъ, въ нашу бытность за

границею, въ немъ слушаетъ человѣкъ пять-шесть, да и тѣ, вслѣдствіе неподготовленности, недостаточной освоенности съ языкомъ, слушаютъ съ грѣхомъ по-поламъ и лишь по неволѣ, а наиболѣе серьезные и занятые люди считаютъ посѣщеніе этихъ штудій напрасною тратою времени и отъ нихъ всѣми мѣрами уклоняются. А между тѣмъ содержаніе этого учрежденія стоить, кажется, не одинъ *десятокъ тысячъ марокъ*: къ чему *сія гибель* и развѣ нѣтъ у насъ болѣе насущныхъ потребностей?! Было время, когда этотъ институтъ быть можетъ былъ полезенъ, но теперь право у русскаго человѣка становится на душѣ больно, когда, находясь на чужбинѣ, онъ наталкивается на такой курьезъ, предъ которымъ разводять руками даже снисходительные къ проявленіямъ нашего великодушія, широты и *безцѣльной щедрости* нѣмцы.... А у себя мы не находимъ возможности предпринять хорошее апологетическое изданіе!

Здѣсь, однако, необходимо одно важное предостерегающее напоминаніе: къ Обществу апологіи Христіанства, конечно, будутъ предъявлены высшія и исключительныя требованія и, тогда какъ для организаціи многихъ другихъ Обществъ, часто бываетъ достаточно одного усердія, здѣсь потребуется сверхъ того и умѣнье, и осторожность, и чуткость къ запросамъ времени, и уваженіе къ свободѣ мысли и прежде всего—чистая любовь къ самому дѣлу. Для разработки ближайшихъ задачъ и организаціи этого Общества потребуется, поэтому, конечно, еще много и много „проектовъ“....

Проясняющійся въ современномъ философскомъ сознаніи законъ „возрастанія энергіи“ говоритъ современному человѣку, что онъ свободенъ дѣлать дѣло, какое хочетъ и что надъ нимъ не тяготѣетъ никакой фатумъ, его не связываетъ механизмъ природы. Живой протестъ противъ призывовъ къ одуряющему, механическому труду или къ сноподобному, бесплодно-выжидательному „не-дѣланію“ показываетъ, что въ современномъ человѣкѣ пробуждается реальный смыслъ жизни и жажда реального дѣла. Но въ чемъ проявитъ современный человѣкъ свою свободу и какое найдетъ реальное дѣло, если выше всѣхъ своихъ заботъ и дѣлъ не поставитъ тѣхъ задачъ и цѣлей, какія поставило человечеству Христіанство?

А. Введенскій.